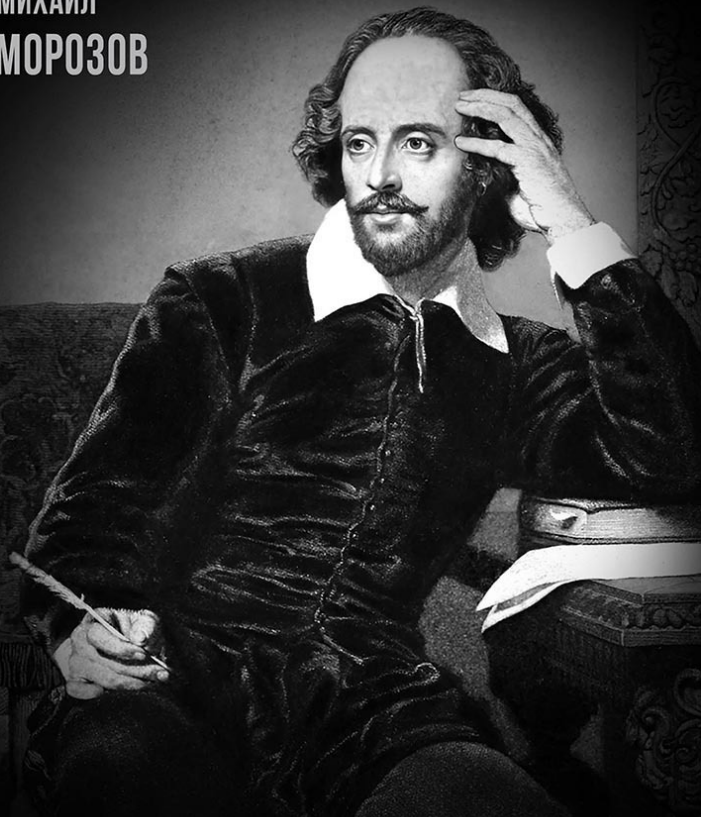

МИХАИЛ
МОРОЗОВ

ШЕКСПИР

Михаил Михайлович Морозов

Шекспир

Серия «Покорившие мир»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74457381
Шекспир / М. М. Морозов; Родина; Москва; 2026
ISBN 978-5-00269-501-0

Аннотация

Вильям Шекспир – вечная загадка человечества, Он творил в эпоху Возрождения. Он сделал бессмертными легендарные сюжеты средневековых времен. Гамлет, Отелло, Ромео и Джульетта стали героями на все времена. Это книгу написал великий мастер – Михаил Михайлович Морозов (1897–1952). Потомок известной купеческой династии Морозовых, он был всемирно известным шекспироведом. Его книга переносит нас в Англию XVI–XVII веков, когда в театре «Глобус» шли пьесы Шекспира, ставшие бессмертными. Вместе с автором мы окажемся в Лондоне, при королевском дворе, побываем на уличных и театральных представлениях, станем свидетелями войн и переворотов, которые сотрясали Англию в то время. Разгадаем тайны лучших комедий и трагедий Шекспира, узнаем тайный смысл его сонетов... Жизнь Шекспира и его творчество – это лучший ответ на вопрос – как искусство может покорить мир? Почему поэзия Шекспира не умирает?

Содержание

I. Детство и юность	7
II. Встреча с графом Саутгэмптоном. «Венера и Адонис». «Лукреция»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Морозов

Шекспир

© ООО «Издательство Родина», 2026

Михаил Морозов.

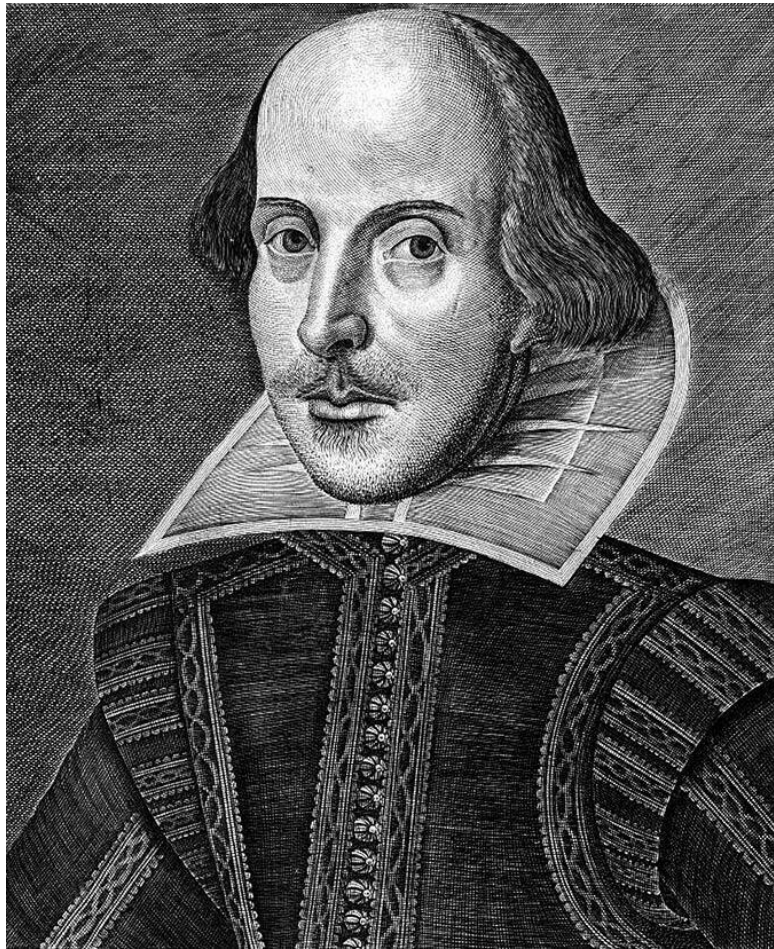

В. Серов. Портрет Мики Морозова.

I. Детство и юность

Фамилия Шекспир была в XVI веке довольно распространённой на родине великого драматурга в Варвикшире,¹ а также в окрестных графствах. Предки Шекспира были обыкновенными фермерами: землепашцами и овцеводами. Дед Вильяма Шекспира, Ричард, умерший в 1560 году, владел фермой и обрабатывал землю, которую арендовал у некоего Роберта Ардена, происходившего, возможно, от захудалой ветви знатного рода. Ричард жил в деревушке Сниттерфильд, километрах в шести от Стрэтфорда. Сын Ричарда, Джон Шекспир, женился на младшей из восьми дочерей Роберта Ардена, которую звали Мэри. Она родила ему восьмерых детей. Третьим ребёнком и старшим сыном Джона и Мэри был Вильям – будущий драматург и поэт.

¹ Варвикшир – одно из графств в центральной Англии.

Вильям Шекспир.

Вильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года. Еще лет за восемь до рождения поэта отец его переехал из Снитерфильда в Стрэтфорд. Он занялся выделкой кож, изготовлял кожаные перчатки, торговал шерстью, мясом, зерном и солодом. Джону Шекспиру повезло: он разбогател, купил несколько домов в Стрэтфорде, был выбран ольдерменом (городским советником), а одно время был даже городским головой. Одним словом, это был зажиточный провинциальный горожанин. В комедии Шекспира «Виндзорские кумушки», в семействах Форда и Пейджа, мы найдем ту среду, из которой вышел Вильям Шекспир.

Дом, где родился Шекспир.

Стрэтфорд, родина Шекспира, расположен на реке Эйвоне (отсюда полное его название – Стрэтфорд-на-Эйвоне). В те времена это был маленький городок, насчитывавший до двух тысяч жителей. Большинство домов было крыто не черепицей, а соломой и камышом. Все в этом городке дышало патриархальной средневековой стариной. Только в ярмарочные дни, когда сюда съезжались окрестные фермеры, нарушалась обычная тишина, и в городе становилось шумно илюдно. Кроме того, и в обычные дни иногда царило оживление возле находящейся у каменного моста гостиницы Медведя. Через Стрэтфорд шла дорога из Бирмингема в Оксфорд и Лондон, и в гостиницу заезжали путешествующие господа со свитой вооруженных слуг, купцы с целыми караванами возов, спешившие в Оксфорд студенты, верхом на тощих клячах, и много разного люда. Заходили сюда и бродячие певцы – сказители народных баллад. Окрестности Стрэтфорда очень живописны. В дни Шекспира путешественников особенно поражало здесь обилие цветов и певчих птиц.

С севера, к самому Стрэтфорду подходил глухой и дремучий Арденнский лес. Шекспир с детства слышал, конечно, рассказы о том, как в этот лес уходили жить обездоленные люди, спасаясь от преследований какого-нибудь судьи, которому не успели во-время поднести каплуна,² или от угроз же-

² Было своего рода традицией подкупать судей каплунами. Существовало даже выражение «каплунные судьи».

стокого богача-заимодавца. В день первого мая жители Стрэтфорда большой толпой шли в лес праздновать память сказочного народного героя Робин Гуда. Некогда – так пели сказители старинных английских баллад – жил в зеленом лесу славный Робин Гуд, непобедимый стрелок из лука, вместе со своей «веселой ватагой». Он грабил только богатых и тех королевских чиновников, которые обижали народ. Бедняков же он защищал и выручал из беды. И вот в день первого мая, когда праздновалась память героя, жители Стрэтфорда где-нибудь на лесной поляне разыгрывали сцены из легенд о Робин Гуде и его товарищах. Возможно, что картину этого дремучего леса Шекспир отразил в своей комедии «Как вам это понравится». Правда, действие этой комедии происходит во Франции (где тоже был Арденнский лес³), но Шекспир под маской чужеземных имен всегда рисовал окружающую его действительность. И, быть может, не случайно в комедии «Как вам это понравится» упоминается имя Робин Гуда (о старом герцоге и других изгнанниках говорится, что они живут в лесу, «как жил в старину Робин Гуд английский»). «Ибо где бы ни происходило в его пьесах действие – в Италии, Франции или Наварре, – по существу перед нами всегда merry England,⁴ родина его чудацких простолюдинов, его умничающих школьных учителей, его милых, странных

³ Арденнский лес находится в северо-восточной Франции и захватывает часть территории южной Бельгии и Люксембурга.

⁴ Merry England – веселая Англия.

женщин; на всем видишь, что действие может происходить только под английским небом», – пишет о Шекспире Фридрих Энгельс.⁵

Слышал Шекспир в детские годы и рассказы об эльфах и других волшебных существах, населявших глушь старинного леса. Здесь в лунную ночь резвился лукавый эльф Робин – Добрый Малый, зазывая путников и сбивая их с дороги; влюбчивая Титания, царица эльфов, увлекала заблудившегося путника в свой чертог, построенный из душистых цветов. А на лесных полянах плясали маленькие волшебные существа. Все это воссоздал впоследствии Шекспир в комедии «Сон в летнюю ночь». В колеснице, сделанной из пустого орешка, неслась Мэб – владычица человеческих снов, о которой рассказывает Меркуцио в пьесе Шекспира «Ромео и Джульетта». Много разных волшебных рассказов слышал Шекспир с детства. И среди них – страшные рассказы о безобразных ведьмах, вроде тех, которых он впоследствии описал в «Макбете».

В десяти километрах от Стрэтфорда находился знаменитый в истории Англии город Варвик с его древним замком. Об этом городе осталось в народе много исторических легенд и рассказов – воспоминаний о тех событиях из времен войны Алой и Белой Розы в XV веке, которые описал Шекспир в исторической пьесе «Генрих VI».

Стрэтфорд наложил глубокую печать на творчество

⁵ Ф. Энгельс. Ландшафты, в книге: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 60.

Шекспира. Великий драматург был знатоком народного языка своего времени, народных баллад и песен, исторических легенд и волшебных сказок. Об этом говорят его произведения. Значительную долю этого богатства он, несомненно, приобрел еще в детские годы.

Неподалеку от Стрэтфорда находился и город Кенильворт.⁶ Древний замок этого города, возведенный в XII веке, был заново отстроен и украшен всесильным временщиком, любимцем королевы Елизаветы графом Лестером.⁷ Над огромным зданием замка возвышались башенки, на которых развевались флаги с гербом графа Лестера. Вокруг замка простирался обширный парк, сходящий вниз террасами. Здесь цвели диковинные цветы, били фонтаны, за золоченой решеткой разгуливали павлины, фазаны.

В июле 1575 года королева Елизавета заехала в Кенильворт в гости к графу Лестеру. Он устроил ей пышный прием. Ворота парка открылись для всех желающих. И перед изумленными жителями тихой старозаветной провинциальной глуши в торжественной и пышной процессии прошли боги и богини античного мира, фавны, нимфы, наяды и другие удивительные существа. А вечером палили из пушек и жгли огромный фейерверк, многоцветное зарево которо-

⁶ Описание Кенильвортского замка см. в романе Вальтера Скотта «Кенильворт».

⁷ Это тот самый граф Лестер, который является одним из главных действующих лиц в трагедии Шиллера «Мария Стюарт».

го, как свидетельствует современник, было видно за сорок километров. Шекспиру было тогда уже одиннадцать лет, и Можно поэтому предположить, что он был на этих празднествах.

Близко от Стрэтфорда находился город Ковентри, знаменитый еще со средневековой старины спектаклями мистерий. Мистерии пережили свой расцвет в XV веке, но в провинции все еще доживали свои последние дни.

В Стрэтфорд приезжали настоящие, профессиональные актеры. Они играли полные ужасов кровавые трагедии, написанные в подражание древнеримскому драматургу Сенеке; комедии, написанные в подражание древнеримским драматургам Плавту и Теренцию; чувствительные пьесы, авторы которых стремились неумелыми, аляповатыми чертами изобразить живые человеческие чувства. Играли они и отрывки мистерий и моралите, а также народные фарсы.

Таковы были детские впечатления Шекспира. Несомненно, что многие из тех людей, которых он видел в детстве, запомнились ему на всю жизнь. Перечитайте его комедию «Сон в летнюю ночь». Перед нами – ткач Основа и его веселые товарищи. Это не столичные ремесленники, – это люди из тихой, наивной, старозаветной провинции, люди из Стрэтфорда. Вероятно, уже с детства Шекспир любил наблюдать природу: и рост цветов и трав и особенную повадку каждой породы животных и птиц.

С семилетнего возраста Шекспир ходил в «грамматиче-

скую школу». Мальчики (девочки не учились в школе) приходили в школу к шести часам утра, пели хором молитву и садились за латинские вокабулы. Учились без перерыва до одиннадцати часов. В одиннадцать их отпускали на два часа домой пообедать. Потом опять учились без перерыва с часу дня до пяти вечера. Изучали в школе главным образом латинский язык; кроме того, знакомились с основами схоластической логики и риторики, а также начатками греческого языка. Методом преподавания была зубрежка наизусть, стимулом к учению – розга. На картинках того времени педагога изображали с книгой в одной руке, с розгой – в другой. «Тот лучше учит, кто больше бьет», – говорили сами педагоги. Рассказывали про одного учителя, который, приходя зимним утром в школу, начинал с того, что сек всех мальчиков подряд, чтобы сразу же привести их в повиновение и чтобы самому согреться, так как в классах было холодно. Много ли вынес Шекспир знаний из этой школы? Вряд ли. «Латинский язык ты знал плохо, а греческий и того хуже», – вспоминал о Шекспире Бен Джонсон. Широкое, хотя и не систематическое образование Шекспира было результатом постоянного и разнообразного чтения. О школе же он вряд ли сохранил доброе воспоминание. Недаром в «Ромео и Джульетте» он сравнивает влюбленного, спешащего к своей возлюбленной, с мальчиком, уходящим с урока, а влюбленного, покидающего свою возлюбленную, – с мальчиком, идущим на урок. В комедии «Как вам это понравится» чита-

ем о мальчике, «ползущем, как улитка, неохотно в школу».

Шекспир, по-видимому, не успел кончить ученья. Отец его запутался в долгах, и Вильяму, которому не было и шестнадцати лет, пришлось самому зарабатывать на жизнь. Он поступил, согласно преданию, подмастерьем к торговцу мясом. По другому преданию, он стал младшим учителем в сельской школе, чем-то вроде репетитора для самых маленьких мальчиков, которые еще зубрили азбуку, написанную на сделанной из рога таблице.

Километрах в двух от Стрэтфорда, по ту сторону поля, находился коттедж, принадлежавший зажиточному крестьянину по фамилии Хэтевей. У него была дочь Анна. Она была на семь лет старше Вильяма. Восемнадцатилетний Вильям женился на ней, и вскоре у них родилась дочь Сузанна. А еще через два года Анна родила Вильяму близнецов Юдифь и Гамлета (названного так, вероятно, в честь друга их семьи Гамлета Сэдлера; вообще имя Гамлет⁸ было в ту эпоху распространенным в Англии).

Но Шекспиру недолго пришлось жить мирным семьянином. Он, по преданию, тайком охотился на оленей в заповеднике, принадлежавшем крупному местному помещику сэру Томасу Люси. Такая охота на запретной земле, принадлежавшей помещикам, почиталась среди молодежи доблестным подвигом, освященным примером самого сказочного Робин Гуда. Сэр Томас стал преследовать молодого Шекспира. По-

⁸ Имя Гамлет в просторечии произносилось «Гамнет».

следний в ответ написал стихи, в которых осмеял сэра Томаса. Тогда разгневанный помещик велел своим приспешникам избить Шекспира хлыстом, что они и исполнили. Боясь еще худших проявлений мести со стороны сэра Томаса Люси, который был «судьей – блюстителем порядка» и всесильным человеком во всей округе, Шекспир бежал из Стрэтфорда в Лондон. Все эти сведения основаны на устном предании.

Согласно другому преданию, Шекспир поссорился с хозяином, у которого служил в подмастерьях, и, спасаясь от его гнева, бежал из Стрэтфорда. Во всяком случае, интересно, что оба предания сходятся на одном мотиве: на бегстве Шекспира из Стрэтфорда.

И вот он попал в Лондон. Было это, по-видимому, в 1586 году. Сохранилось предание, что, попав в Лондон, Шекспир сначала зарабатывал тем, что присматривал за лошадьми приезжавших в театр джентльменов. Об этом в 1753 году писал Роберт Шильд в своем сочинении «Биографии поэтов». Шильд слышал об этом от «одного джентльмена», последний – от Ньютона, редактора сочинений Мильтона; Ньютон – от знаменитого поэта Александра Попа; Поп – от Роу, первого биографа Шекспира; Роу – от актера Беттертона; Беттертон – от поэта и драматурга Вильяма Давенанта; Давенант – от своего отца, который будто бы слышал об этом от самого Шекспира. Вот насколько смутны детали биографии великого драматурга!

Но следует помнить, что и другие легенды сходятся на том, что Шекспир сначала занимал в театре маленькую должность.⁹ Потом он стал получать роли. И, наконец, начал писать для театра.

Новый драматург, вышедший из актеров, был недружелюбно встречен драматургами из «университетских умов»¹⁰ Об этом свидетельствует следующий документ. Один из предшественников Шекспира, драматург Роберт Грин (1558–1592) незадолго до своей смерти проклял театр. В изданной после его смерти исповеди озаглавленной «На грош ума, приобретенного за миллион раскаяния», Грин обращается к своим бывшим коллегам, драматургам: «Не верьте им (то есть актерам. – М. М.), – пишет Грин, – ибо есть среди них выскочка, ворона, украшенная нашими перьями. Наделенный сердцем тигра, завернутым в шкуру актера, считает он, что может греметь белыми стихами не хуже лучшего из вас, и, будучи мастером на все руки, является в собственном самомнении своим единственным потрясателем сцены в нашей стране». В глазах Грина ставший драматургом Шекспир был «выскочкой», «вороной, украшенной перьями», похищенными у «университетских умов». Грин намекает на то,

⁹ Существует предание, будто Шекспир был сначала помощником суфлера, в обязанности которого входило наблюдать за выходами актеров, за шумовыми эффектами и т. д. (должность, соответствующая помощнику режиссера в современном театре).

¹⁰ Так называли в Англии в конце XVI века драматургов, выходцев из университетов. К ним принадлежали Марло, Грин, Кид, Пиль и др.

что Шекспир в своем творчестве широко использовал произведения предшественников, свободно заимствуя у них. Его слова о «сердце тигра, завернутом в шкуру актера», – перефразировка стиха из 3-й части «Генриха VI» Шекспира («О, сердце тигра, завернутое в шкуру женщины!»). Само упоминание о «сердце тигра», а также о «самоуверенности» свидетельствует, как нам кажется, о том, что Шекспир не был склонен благодушно относиться к своим литературным противникам и держал себя с ними гордо и независимо. «Мастер на все руки» – намек на разнообразие занятий Шекспира: актера, поэта и драматурга. И, наконец, «потрясатель сцены» – каламбур на слове «Шекспир» (потрясатель).

Но если для «университетских умов» Шекспир был «выскочкой», самонадеянным «мастером на все руки», посмевающимся взяться за перо, то для актеров он был своим человеком. Они радовались его успехам. В написанном в 1601 году в стенах Кембриджского университета и исполненном студентами сатирическом обозрении «Возвращение с Парнаса» выведен товарищ Шекспира по сцене, знаменитый в то время комический актер Вильям Кемп. Он говорит в этом обозрении следующее: «Мало людей, вышедших из университетов, хорошо пишут пьесы. Они уж слишком пропахли Овидием... и слишком много толкуют о Прозерпине и Юпитере. Вот наш товарищ Шекспир всех их превзошел да и Бена Джонсона в придачу».

Вильям Кемп был первым комиком в той труппе, к кото-

рой принадлежал Шекспир. В шекспировских пьесах он исполнял роли комиков-простаков: Лаунса в «Двух веронцах», ткача Основы в комедии «Сон в летнюю ночь», слуги Петра в «Ромео и Джульетте». Позднее, в 1597 году, Кемп, как показали исследования, играл роль Фальстафа (он, вероятно, потолстел к этому времени). Слава первого трагика труппы Ричарда Бербеда и первого комика труппы Вильяма Кемпа затмевала, конечно, известность Шекспира, хотя он вскоре и стал первым драматургом труппы.

В упомянутом нами обзоре «Возвращение с Парнаса» находим такие слова: «Кто знаменитей Дика Бербеда и Виле Кемпа? Того не считают джентльменом, который не знает о Дике Бербеде и Виле Кемпе. Любая деревенская девушка говорит о Дике Бербеде и Виле Кемпе». Этого, конечно, никак нельзя было сказать о Шекспире. Драматургам в то время трудно было дотянуться до лавров, которыми были увенчаны ведущие актеры.

Но вернемся к тому времени – примерно к 1590 году, – когда Шекспир стал актером и начал писать. К этому, по-видимому, времени относится встреча Шекспира с графом Саутгэмптоном. Шекспир посвятил молодому графу две свои поэмы: «Венеру и Адониса», изданную в 1593 году, и «Лукрецию», изданную в 1594 году.

В 1592 году издатель Генри Четль, ставший впоследствии поэтом и драматургом, напечатал посмертную исповедь Роберта Грина, в которой, как мы видели, Грин резко напа-

дал на Шекспира. Последний, по-видимому, пожаловался каким-то влиятельным лицам. Во всяком случае, Четль извинялся в печати перед Шекспиром. При этом он сообщал о том, что о Шекспире, как о человеке и как о писателе, дали весьма лестный отзыв «различные distinguished лица». Тут, весьма вероятно, идет речь о графе Саутгэмптоне и его друзьях. Впрочем, возможно, что Шекспир был тогда вхож в дома нескольких представителей той просвещенной аристократии, которая покровительствовала театрам. Принципиального значения это не имеет. Важно то, что Шекспир на ранней поре своей творческой жизни мог наблюдать быт аристократии и воспринять ее культуру. Если писатель Антони Сколокер в 1604 году противопоставлял творчество Шекспира творчеству изысканного придворного писателя Филиппа Сиднея; если он заметил при этом, что пьесы Шекспира «трогают сердце простонародной стихии», то, с другой стороны, Шекспир широко использовал для своей палитры яркие и пышные краски аристократического Ренессанса. Он мог бы вполне сказать о себе словами Мольера: «Я беру свое добро там, где его нахожу». Факт встречи Шекспира с графом Саутгэмптоном (или другими просвещенными аристократами той эпохи) имеет поэтому определенное значение для творческой биографии Шекспира.

II. Встреча с графом Саутгэмптоном. «Венера и Адонис». «Лукреция»

Встреча Шекспира с графом Саутгэмптоном произошла, надо думать, в театре, ибо граф Саутгэмптон был страстным любителем театральных зрелищ. По свидетельству современника, молодой граф «проводил время очень весело, ежедневно бывая в театре». Многие другие представители знатной молодежи, например граф Ретлэнд или граф Оксфорд, также были завсегдатаями театра.

Вильям Шекспир.

Граф Саутгэмптон.

Саутгэмптон, которому тогда не было и двадцати лет, ста-

рался подражать древнему Меценату, покровителю римского поэта Горация, и потому охотно приглашал в свой дворец начинающих писателей. Кто знает? Со временем этот новичок мог стать настоящим поэтом и сделать имя своего покровителя бессмертным.

Дворец Саутгэмптона славился своим великолепием.

В светлых, просторных комнатах распространялось благоухание от стоявших в углах курильниц, привезенных из Италии. На столах вместо кубков сверкал и переливался всеми цветами драгоценный венецианский хрусталь. И вместо оленьих рогов, обычного украшения английских провинциальных замков, стены были увешаны привезенными из Италии картинами. Вот улыбалась обнаженная Венера, богиня красоты, выходя из пены морской. Вот она же, влюбленная в простого смертного, простирала руки к Адонису – прекрасному юноше, который горделиво отворачивался от нее. Вот вся в слезах стояла Лукреция, обесчещенная царем Тарквинием; прощаясь с жизнью, она прижимала к груди острие кинжала... А вот пылала древняя Троя, бежали в страхе по ее улицам испуганные жители, лежал поверженный старец Приам, и свирепый Пирр потрясал над ним обагренным кровью мечом.

Шекспироведами не раз высказывалось предположение, что поэмы Шекспира «Венера и Адонис» и «Лукреция» были навеяны не только литературными источниками, но и картинами. Напомним также, что в «Лукреции» Шекспир

подробно описывает картину, изображающую гибель Трои. Как видно из этого описания, Шекспир прежде всего оценил в картине живость и выразительность человеческих образов. «О, какое здесь было искусство в изображении лиц! – восклицает Шекспир. – Лицо каждого было ключом к сердцу каждого».¹¹ В живописи, как всегда и во всем, Шекспира прежде всего поражал человек.

По вечерам у графа собиралось общество. Приходили сюда блестящие знатные молодые люди. Как роскошно были одеты они! Бархат, из которого были сшиты их короткие плащи, – темно-алого цвета, цвета французского вина, – продавался у купцов, привезших его из Лиона, за три фунта стерлингов за ярд. На башмаках у них были банты в виде роз, осыпанные бриллиантами.¹² Каждый такой бант стоил фунтов двенадцать. Удивительно говорили эти молодые щеголи. Рассказывая о какой-нибудь женщине, не говорили просто: «Как она красива», но примерно так: «Ее исключительная исключительность исключает всякую другую исключительность».¹³ Беседуя с дамой, они не спрашивали: «Когда вы сегодня встали с постели?», но строили такую, например, фразу: «Когда вы сделали несчастной вашу постель?» Или, вместо того чтобы спросить: «Когда вы сегодня собираетесь лечь?», спрашивали: «Когда вы собираетесь сегодня осчаст-

¹¹ См. «Лукрецию», стихи 1394–1395.

¹² Из героев Шекспира такие банты носит, например, Ромео.

¹³ Заимствуем этот пример из «Аркадии» Сиднея.

ливить вашу постель?»¹⁴ Слова плясали у них на устах, как кавалеры и дамы, увлеченные трудными фигурами прихотливого танца.

Шекспир отдал дань эвфуизму¹⁵ в ранних своих произведениях. Важно помнить, что эвфуизм в начале девяностых годов XVI века был в Англии не только литературным явлением, но проник и в быт знатной молодежи, которая и в жизни старалась «говорить красиво». Во многих случаях поэтому эвфуизм в произведениях Шекспира является не стилистическим украшением, но отражением действительности. Ромео на балу у Капулетти спрашивает слугу: «Кто эта дама, которая обогащает руку того рыцаря?» Так и говорили в действительности. Язык знатной молодежи, как и их одежды и жесты, был чрезвычайно «театральным».

Люди старинного склада, которые и говорили и одевались гораздо проще, смотрели на все эти новшества с нескрываемым презрением. Такого исконного старозаветного дворянина своего времени Шекспир изобразил в лице Генри Перси («Генрих IV»). Последний возмущен тем, что его жена употребила в речи новомодное изощренное слово. «Выругайся, Кэт, хорошим крепким ругательством, как настоящая леди!» – говорит он ей. Всякие же вычурные слова и оборо-

¹⁴ Так, например, в комедии Шекспира «Как вам это понравится» придворный говорит, что вечером служанки видели Селию в постели, но утром нашли постель, «лишенную своего сокровища» (II, 2, 7).

¹⁵ Эвфуизм – вычурный оборот речи, характерный для целого литературного направления в Англии в конце XVI века.

ты он просит ее оставить «одетым в бархат гвардейцам и нарядившимся для воскресного дня горожанам». Впрочем, ко времени создания Шекспиром «Генриха IV», то есть к 1597 году, эвфуизм стал приходить в упадок и являлся признаком жеманства и фатовства (Шекспир к этому времени окончательно отказался от эвфуизма и как от стилистического приема). В одном из монологов Генри Перси Шекспир создает карикатуру на эвфуистического джентльмена:

...После битвы,
Когда, склонясь на меч и чуть дыша
От напряженья, ярости и жажды,
Сидел я, подошел какой-то лорд,
Нарядный, как жених, и свежесбритый,
Как поле после жатвы. Он держал
Меж пальцев склянку с мускусной струею,
Вертел в руках, и нюхал, и чихал,
И нес какой-то вздор, и улыбался...

...Он был прилизан и благоухал,
И рассуждал, как барышня, о пушках...

...Он очень сожалел, что из земли
Выкапывают гадкую селитру,
Которая цветущим существам
Приносит смерть или вредит здоровью,
И уверял, что, если б не стрельба,

Он сам бы, может быть, пошел в солдаты.¹⁶

Еще более злую карикатуру на эвфуистического джентльмена Шекспир создал в «Гамлете» (1601) в лице Озрика.¹⁷

Но в те времена, когда Шекспир впервые попал в дом графа Саутгэмптона, то есть в самом начале девяностых годов, эвфуизм еще обладал свежестью новизны. Целый круг знатной молодежи искренне и восхищенно культивировал цветистую речь и видел в эвфуизме одно из проявлений праздничной культуры Ренессанса наряду с сонетом, итальянской музыкой и пышной одеждой.

Жизнь этих молодых людей была сплошным праздником. Но, нарушая общую веселую картину, среди блестящей толпы то и дело появлялась одетая в черное фигура человека со смуглым лицом и спесивой важностью осанки. Это был итальянец Флорио, учивший итальянскому языку молодого графа и проживавший у него в доме. Вскоре Шекспир вывел Флорио в образе надутого педанта Олоферна в своей комедии «Тщетные усилия любви». Само имя Олоферн было не просто заимствовано Шекспиром у французского писателя Рабле (так зовут первого учителя Гаргантюа в романе Рабле), – это имя было также анаграммой имени Флорио, то есть в нем встречалось много тех же букв (О-л-о-ф-е-р-н – Ф-л-о-р-и-о); изобретать такие анаграммы было тогда всеобщим

¹⁶ Перевод Бориса Пастернака.

¹⁷ См. «Гамлет», V акт, 2-я сцена.

увлечением.

Джиованни Флорио (1553–1625), прославившийся впоследствии как переводчик Монтэня, которого, кстати сказать, он перевел чрезвычайно вычурным языком, составил еще в 1578 году самоучитель итальянского языка, и молодой Шекспир, жадный до учения, купил себе этот самоучитель.

Исследования показали, что самоучитель Флорио оказал некоторое влияние на фразеологию отдельных мест у Шекспира; он был, по-видимому, одной из его настольных книг. Итальянский язык не только почитался в ту эпоху совершеннейшим орудием изящной поэзии, но и являлся до известной степени языком международным, играя почти ту же роль, какую играл в XVIII веке французский язык.

Иногда во дворце графа устраивались великолепные маскарады. Горели, шипя, смоляные факелы, освещая залы дворца. Медленно проплывали пары в мерном танце (предок менуэта, этот танец так и назывался «мерным»): античные герои в золотых шлемах, богини и нимфы в просторных белых кружевных платьях, с цветами в волосах, и казалось, что Италия, радостная, праздничная Италия, переселилась в туманный Лондон и что за стенами дворца раскинулись платановые рощи, цветут гранатовые деревья, сверкает звездами южное небо.

Стоя в углу в толпе слуг, одетых в синие камзолы, Шекспир наблюдал маскарад. Окружающие его слуги все больше были люди сонные, ленивые, с красными носами и лос-

нящимися щеками. Во дворце графа, согласно старинному обычаю английской знати, содержалось огромное количество прислуги, для которой никакого дела не находилось. Со спокойным равнодушием взирали слуги на пляшущих господ: кто икал, кто чесался, кто жевал украденный с барского блюда кусок марципанового пирога. И, быть может, именно эти пышные балы и этих сонных нахальных слуг вспомнил Шекспир несколько лет спустя, в 1595 году, когда писал «Ромео и Джульетту».

Вечера друзья графа проводили обычно в литературных беседах. Собравшись у большого ярко пылающего камина, украшенного искусной резьбой по камню, они сидели, небрежно развалясь в креслах и ковыряя во рту зубочистками, что считалось тогда признаком щегольства и изысканности. Часто перечитывали они отрывки из романа «Аркадия». Автором его был покойный сэр Филипп Сидней, рыцарь, павший в 1586 году, на тридцать втором году жизни, в битве с испанцами при Зутфене. Молодые люди читали также сонеты Сиднея и Эдмунда Спенсера, почитавшегося тогда величайшим поэтом Англии, а также читали и свои собственные сонеты. Ибо кто тогда в Англии не писал сонетов? В английскую лирику сонет был введен еще лет пятьдесят до того поклонниками Италии и подражателями Петрарки – великого итальянского поэта XIV века. Но мода на сонет расцвела в Англии полным цветом в девяностые годы XVI века, когда английский Ренессанс достиг своего зенита. До-

статочно сказать, что за пять лет (1592–1597) в Англии было напечатано более двух с половиной тысяч сонетов. Написано же было их за это время бессчетное количество. Молодые люди постоянно восхищались Италией. Один за другим, поочередно, рассказывали они итальянские новеллы. Они слушали итальянскую музыку, которую так страстно полюбил Шекспир. Дом графа Саутгэмптона сделался той «академией», в которой Шекспир окунулся в атмосферу искусства и поэзии Ренессанса.

Примерно в 1592 году Шекспир написал первую свою поэму, которую он озаглавил «Венера и Адонис». В основе сюжета был миф античного мира. Богиня Венера влюбилась в простого смертного – прекрасного юношу Адониса. Но он не ответил на ее любовь и за это был убит на охоте диким вепрем. О Венере и Адонисе Шекспир прочитал в «Метаморфозах» Овидия.

Страсть богини Венеры – лейтмотив этой поэмы. О страсти в поэме говорится, что она «безграничнее моря». В ней живет сама природа; Адонис наказан за то, что он восстал против природы и не захотел воссоздать себя в детях. «Факелы, – читаем в поэме, – сделаны для того, чтобы светить, драгоценные камни, чтобы их носили... Семена рождаются от семян, красота порождает красоту». Так уговаривает Венера Адониса – как бы сама природа уговаривает его полюбить женщину, чтобы повторить себя в детях. Упоенный искусством Ренессанса, проникнутого любовью к жизни, к ее при-

умножению, Шекспир уже в этой ранней своей поэме раз-
облачает средневековый аскетический идеал – «нелюбящих
весталок и себялюбивых монахинь».

Шекспир хотел написать произведение, достойное изыс-
канности Сиднея или Спенсера. Но под кистью его создава-
лись более густые краски. Читая некоторые места поэмы, ка-
жется, что с легкой итальянской картины писал копию пол-
нокровный фламандец.

Как и во всех произведениях Шекспира, окружавшая его
жизнь близко соприкоснулась с его первой поэмой.¹⁸ Над-
менный, самовлюбленный Адонис, предпочитающий боги-
не праздную холостую жизнь, охоту и своих быстроногих
псов, напоминал, возможно, некоторых из тех молодых лю-
дей, которых Шекспир видел в доме графа Саутгэмптона.
Отдельные места в поэме, хотя бы следующий живой и све-
жий образ: «Смотрите! Нежный жаворонок, наскучившись
отдыхом, подымается ввысь из своей влажной горницы», ве-
роятно, отражали воспоминания детских лет, когда Шекспир
бродил по полям в окрестностях родного Стрэтфорда.

По таким чертам – живым, иногда тяжеловесным, иногда
даже грубоватым в своей полнокровной непосредственности
– мы прежде всего узнаем в поэме мощную кисть Шекспира.

В ту эпоху было обычаем посвящать поэмы какому-ни-

¹⁸ Большинство метафор и сравнений в произведениях Шекспира отражает его
непосредственные наблюдения над живой действительностью, а не заимствовано
из книг. Это относится и к «Венере и Адонису».

будь знатному вельможе. Так поступали Эдмунд Спенсер, Дэниель, Драйтон и другие поэты. Шекспир посвятил «Венеру и Адониса», этого «первенца своего творческого воображения», как он сам назвал свою поэму, графу Саутгэмптону. Повидимому, как самому графу, так и собравшимся в его доме поклонникам Ренессанса поэма очень понравилась. В 1593 году она вышла отдельным изданием и, как мы знаем по ряду дошедших до нас высказываний современников, имела большой успех в литературных кругах Лондона. В особенности нравилась она, как пишет современник, «молодой породе». С увлечением читали ее студенты университетов. В уже упоминавшемся нами обзрении «Возвращение с Парнаса» один из выведенных в этом обзрении студентов говорил следующие слова: «Пусть этот глупый мир уважает Спенсера и Чосера. Я поклоняюсь сладостному Шекспиру и настолько чту его, что по ночам держу „Венеру и Адониса“ под подушкой».

Однако некоторые критики находили поэму слишком чувственной. «Неужели же всякая любовная страсть, являясь голосом природы, заслуживает поощрения?» – могли спрашивать у Шекспира. И на это он ответил следующей своей поэмой. «Нет, – как бы говорит нам эта поэма, – любовная страсть может быть себялюбивой, и тогда она становится преступной похотью». Ибо Шекспир всегда ненавидел себялюбие во всех его проявлениях.

Заимствовав сюжет у Овидия (из писателей античного ми-

ра имя Овидия чаще других встречается в произведениях Шекспира) и прочитав написанные Чосером легенды о «добрых женщинах», Шекспир создал вторую свою поему – «Лукреция» – и снова посвятил ее графу Саутгэмптону. Здесь молодой поэт нарисовал картину «ложной страсти», «гнусного очарования похоти». Древнеримский царь Тарквиний насилует целомудренную Лукрецию, которая, ужаснувшись своему позору, кончает жизнь самоубийством. Тарквиний подобен «хищному зверю, который не ведает благородной правды и повинуетя лишь собственному гнусному желанию».

Сегодняшний читатель вряд ли увлечется этой поэмой: она растянута; утомительны те длинные монологи, которые произносят Лукреция и Тарквиний. Искусственной кажется и проявляющаяся порой вычурность языка: например, «в свою безвредную грудь она вонзает зловередный кинжал». И все же и здесь ощущается мощь шекспировской кисти. Мы уже чувствуем здесь будущего драматурга, гениального живописца многообразных человеческих характеров. В нерешительности Тарквиния перед совершением преступления, в его колебаниях, в его намерении убить одного из рабов Лукреции и свалить на него вину, в тягостном сознании совершенного преступления, когда он в ночном мраке крадется прочь, дрожа и обливаясь холодным потом, мы предугадываем одну из самых титанических из созданных Шекспиром фигур – образ Макбета (недаром сам Шекспир упоминает

в «Макбете» имя Тарквиния). Мы ощущаем в ранней поэме Шекспира подлинное трагическое величие, например в описании ночи, когда «свинцовый сон борется с силой жизни и все отдыхает, бодрствуют лишь воры и озабоченные души». Глубокое негодование на царившие вокруг него ложь и несправедливость кипело в душе молодого поэта: «Бедняки, хромые, слепые тщетно ищут в жизни удачи, – читаем в „Лукреции“, – умирает больной, пока спит врач; умирает с голоду сирота, пока обжирается угнетатель; пирует правосудие, пока плачет вдова». Разве не о том же думал Шекспир восемь лет спустя, когда в 1601 году писал свою величайшую трагедию «Гамлет»?

«Лукреция» была встречена знатоками литературы столь же благосклонно, как и «Венера и Адонис». «Если молодежь, – писал один из ученых мужей Кембриджского университета, Гэбриель Харвей, – наслаждается „Венерой и Адонисом“, то люди более мудрые предпочитают „Лукрецию“». Граф Саутгэмптон не мог не быть польщен тем, что две блестящие поэмы, о которых говорил литературный Лондон, были посвящены ему. Вильям Давенант рассказывал впоследствии, что Саутгэмптон подарил Шекспиру тысячу фунтов стерлингов (цифра эта, во всяком случае, во много раз преувеличена). В Лондоне шли разговоры о том, что между знатым вельможей и начинающим поэтом возникла дружба и что Шекспир посвятил Саутгэмптону несколько сонетов, в которых уговаривал молодого графа жениться и вос-

создать себя в потомстве – подобно тому, как в его поэме Венера уговаривала Адониса. Судьба улыбалась Шекспиру. И что же? Не успела стихнуть эпидемия чумы, во время которой в Лондоне были запрещены театральные представления; не успели актеры снова выйти на подмостки, как Шекспир снова целиком отдался театру. И, не считая сонетов, которыми, как сообщает современник, он делился лишь с близкими друзьями, Шекспир с этого времени уже больше никогда не писал ничего, кроме пьес. А между тем только «чистая» поэзия сулила прочную славу. На писание пьес «знатоки изящного» смотрели свысока, как на «низкое» ремесло, хотя сами и ходили в театр. «Боже сохрани, – писал поэт Дэниель, – чтобы я грязнил бумагу продажными строками. О, нет, нет! – стих мой не уважает театра». Да и сам Шекспир в одном из своих сонетов (сто одиннадцатом) сетует на судьбу за то, что она заставила его работать в театре, ибо, по собственным его словам, это кладет позорное пятно на его имя. О том, как относились к театральным работникам в то время, свидетельствует хотя бы начало записки одного придворного другому придворному: «Я только что посылал за актерами, фокусниками и тому подобными тварями...»

А с другой стороны гремели проклятия пуритан, так яростно ненавидевших театр. В чем же заключалась «судьба» Шекспира? В необходимости заработка? Правда, хотя за пьесу платили автору очень мало (Шекспир, например, получил за «Гамлета» всего семь фунтов стерлингов), матери-

альное существование Шекспира в конце концов сложилось благополучно благодаря тому, что он стал пайщиком театра. Но несомненно, что писание поэм, посвященных знатым господам, сулило неизмеримо большие выгоды. Тут были другие причины. И, во-первых, конечно, страстная любовь к театру, захватившая его даже, быть может, против его воли. А затем эта народная толпа, которая с трех сторон обступила подмостки сцены. В своих поэмах он беседовал со «знатоками изящного», в своих пьесах он обращался к народу. Современник Шекспира, писатель Лили, мечтал в предисловии к своему роману «Эвфуиз», чтобы этот роман хранился в шкатулке знатной дамы. Шекспир вынес свое творчество на суд широкого зрителя, ибо только так мог он говорить о тех больших вопросах, которые волновали его душу. Еще раз вспомним слова из «Лукреции»: «Бедняки, хромые, слепые тщетно ищут в жизни удачи... умирает с голоду сирота, пока обжирается угнетатель...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.